

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. В. ДОМАНОВСКИЙ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, ПРЕДАНИЯ И РАССКАЗЫ О ДЕКАБРИСТАХ В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ

Народные произведения, посвященные расправе царского правительства с декабристами, их аресту, ссылке или казни, составляют особую и малоисследованную страницу в истории народного творчества об освободительном движении первой четверти XIX в. Большей частью эти произведения рассказывают о личной судьбе декабристов, потерпевших поражение в вооруженной борьбе с самодержавием и крепостничеством. Они возникли по горячим следам событий и затем бережно и потаенно хранились в народе. Поэтому эти произведения служат ценным историческим источником для изучения вопроса о том, как народ понимал движение декабристов и как он относился к его участникам.

Публикация и изучение народных произведений о декабристах в тюрьме и ссылке носили случайный характер. В основном изучались взаимоотношения населения Сибири и ссыльных декабристов, собирались воспоминания и рассказы сибиряков. При этом исследователи иногда вместо народных рассказов приводили рассказы местной интеллигенции (дневниковые записи, мемуары и т. д.) — материалы, мало, а то и совсем не связанные с подлинным народным творчеством. Такие материалы есть, например, в работе Ал. Гуревича «Устные рассказы и легенды о декабристах в Сибири» (Иркутск, 1937).

Занимаясь в основном вопросом о декабристах в Сибири, исследователи народного творчества обратили мало внимания на другую очень важную тему — декабристы на Кавказе. На Кавказ были сосланы рядовыми не только некоторые декабристы-офицеры, но и подавляющее большинство «прощенных» Николаем I солдат, принимавших участие в декабрьском восстании 1925 г. Из солдат гвардейских частей, вышедших на Сенатскую площадь, был сформирован Сводный гвардейский пехотный полк, солдаты которого должны были на Кавказе «искупить свою вину». Сюда же, в Отдельный Кавказский корпус, были сосланы и солдаты Черниговского пехотного полка. Кроме того, на Кавказе служило немало «штрафных» и «ссыльных» — участников крестьянских и солдатских волнений¹. Мятежные солдаты, несомненно, принесли на Кавказ многие антикрепостнические произведения. Начальник Главного штаба Дибич обвинил командира корпуса А. П. Ермолова в том, что «пагубный дух

¹ См. А. Фадеев, Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе, «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 100.

вольномыслия и либерализма разлит между войсками»². Возможно, что здесь среди солдат были распространены и агитационные произведения декабристов. Любопытно отметить, что песня о взятии Варны (1828) имеет общее начало с песней К. Рылеева и А. Бестужева «Ах, тошно мне»³. Поэт А. Полежаев, сосланный рядовым на Кавказ, в своей поэме «Эрпели» (1830) писал, что на кухне, у котлов, из солдатских разговоров можно узнать:

Такие вещи в белом свете,
О конх даже в кабинете
Не часто смеют рассуждать...⁴

Возможно, что на основе таких рассказов солдат — участников восстания 14 декабря 1825 г. — А. Полежаев создал сатирическую солдатскую песню «Опять нечто». Песня устами солдат обличала Николая I, напоминала ему о восстании и грозила его повторением⁵. Однако для исследования народного творчества о декабристах на Кавказе, так же как и для изучения некоторых других вопросов, связанных с народным творчеством о декабристах, нет еще достаточного материала.

Как показывает изучение опубликованного и, главным образом, рукописного архивного материала, судьба декабристов — участников восстания — нашла отображение в самых разнообразных жанрах народного творчества: рассказах, песнях и преданиях. Столь широкое жанровое разнообразие — свидетельство широкого отклика на восстание декабристов в народе.

Люди, среди которых возникали эти произведения, так или иначе близко соприкасались с декабристами, знали о них гораздо больше, чем остальные массы крепостной России. Это были или солдаты тех полков, где служили декабристы, или солдаты, которые несли караульную службу при арестованных декабристах, или, наконец, дворовые люди самих декабристов. В большинстве своем произведения проникнуты сочувствием к их судьбе, их горю. И хотя смысл борьбы декабристов не всегда был ясен народу, они неизменно рисуются как жертвы произвола — силы, которая давила и народ. Очень важно отметить, что в отдельных песнях о декабристах используются те образы, в которых народ по древней поэтической традиции изображал любимых своих героев — Чернышева, Разина. Старое, традиционное в этих песнях тесно переплетено с элементами нового, внесенного в сознание народа движением и восстанием декабристов.

Еще по стране шли аресты членов тайного общества, а в народе горячо обсуждался вопрос об их виновности и ожидаемой участи. Правительство принимало самые решительные меры к тому, чтобы пресечь всякие разговоры и толки в народе о восстании, скрыть от народа подлинные замыслы декабристов. На борьбу со слухами была мобилизована целая армия шпионов и осведомителей. 30 января 1826 г. агент полиции предлагал: «Всех приверженных дворовых людей господ, содержащихся в крепости, взять в строгий присмотр или разослать на их родину, дабы они, пользуясь ныне свободою, не разглашали о невинном страдании их господ»⁶.

В феврале 1826 г. по Петербургу пошел слух о смелом ответе арестованного декабриста царю. На основе этого слуха вскоре возникло целое

² «Русская старина», 1883, декабрь, стр. 658.

³ См. Боевые песни русского солдата. Собрал и положил на ноты Г. М. Попов, СПб., 1893, стр. 203—204.

⁴ А. И. Полежаев, Сочинения, Изд. «Academia», 1933, стр. 396.

⁵ См. А. И. Полежаев, Полное собрание стихотворений. Вступ. статья, редакция и прим. Н. Бельчикова, Л., 1939, стр. 279—280.

⁶ Центральный государственный военно-исторический архив (в дальнейшем: ЦГВИА), ф. ВУА, № 864, л. 30.

предание — одно из наиболее значительных произведений этого периода. «Рассказывают, — доносил агент, — что когда по повелению государя императора представлен был к его величеству Бестужев и был им самим спрошен, то между прочим сказал, что ими уже посеяно, корень вырос, а плоды соберут другие, заключив сими словами: «И самая смерть наша будет полезна отечеству»⁷. Несомненно, что в основе этого слуха лежат подлинные факты. Солдаты, несшие караульную службу во дворце и крепости, искали случая вступить в разговор с арестованными декабристами⁸. Им становились иногда известными и смелые ответы декабристов на допросах. Через караульных солдат подобные сведения просачивались в народные массы, варьируясь в устной передаче на разные лады.

Слух об ответе декабристов царю вышел за пределы Петербурга, проник в провинциальную армейскую среду и в московское простонародье. Очень своеобразно он воспроизведен в письме рядового Ладожского пехотного полка Ивана Соколова (письмо написано в мае или июне 1826 г.), в котором подробно рассказывается о восстании 14 декабря.

Согласно версии Соколова, восстанием руководил граф Воронцов. Ближайшее участие в нем наряду с другими военными чинами принимали четверо сына графа и его жена. «Этот граф, — сообщает Соколов, — установил закон масонской веры и закон республики: у него уже сделаны были знамена, вышитые золотом, корона российской державы опровергнута вниз главами; и хотел он быть королем республики; тайная канцелярия хранилась у него в доме». Образ республиканского знамени с вышитой на нем «опровергнутой» вниз главами российской короной наглядно раскрывает цель этого республиканца, будущего «короля республики». Воронцов хотел, чтобы «под видом присяги Константину присягнули ему, Воронцову». За присягу солдатам были припасены по 500 рублей денег на каждого и вольный паспорт. Далее Соколов сообщает, как Николай был призван в Сенат, где его хотели предать «забвению». Затем он рассказывает, что после неудачи переворота и ареста его участников царь призвал на допрос одного из сыновей Воронцова и стал спрашивать, как он осмелился против государя сделать такой проступок? Но он ни одного слова на то не отвечает, а говорит:

— Государь, я не могу ничего на словах объяснить, а позвольте мне на бумаге.

Сейчас подана бумага, но он в ответ написал:

— Что посеяно, то уродится, а что сожнется, то измолотится, а молотенное смелется и будет мука».

«А крепость, — объясняет Соколов, заканчивая свой рассказ, — их полна посажена; их из крепости ночью увозят на Волково поле, по 10 и более человек предают забвению, а многих прощают. Недавно посажен под

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, № 864, л. 49.

⁸ Очень показателен разговор, приведенный Д. И. Завалишиным в его книге «Записки декабриста». Д. И. Завалишин был арестован и привезен из Симбирска прямо в Зимний дворец к дворцовому коменданту. «Я был сильно утомлен быстрой ездой, — вспоминает Д. И. Завалишин, —...очень был расположен заснуть, но, видя большое желание охранявшего меня конногвардейца вступить со мною в разговор, стал охотно с ним разговаривать: «Ведь вот, ваше высокородие», — сказал он мне, — «кажись вы меня и не помните, а я вас часто видал у Александра Ивановича (князя Одесского). В одном эскадроне с ним был, хаживал к ним часто и в дом. Добрый был барин, да и все вы были, должно быть, добрые. Пожалели и нас, да и во всех-то полках говорят о вас, сожалючи».

«Так отчего же вы к нам не пристали? Ведь мы не столько за свое, сколько за ваше дело шли. Сами знаете: у нас все было, хоть бы у Александра Ивановича, — себе искать нечего. Хотели добра вам и народу».

«То-то и есть, барин. Не даром говорят, локоть и близко, да не укусишь. Раскусили, да поздно. Теперь солдаты и говорят, кабы стали все на одну сторону, то разом со всеми немцами бы покончили; и воля бы была, и службу бы уменьшили. Да что тут толковать, — сказал он, махнув рукою, — прошлого не воротись...» — Д. И. Завалишин, Записки декабриста, Изд. 2-е, стр. 220—221.

арест наш главнокомандующий барон Сакен и генерал флигель-адъютант»⁹.

Переданная Соколовым версия о восстании сложна по своему идейному составу. Она отражает присущие солдатам колебания и даже ту пассивность «массы солдат», состоящей из крепостных людей, которую отмечал В. И. Ленин, сравнивая «военные восстания в России 1905 года с военным восстанием декабристов в 1825 году»¹⁰. Основная масса солдат, которые не участвовали в восстании, подходила к его оценке, так же, как и крепостное крестьянство — с точки зрения тех выгод, которые оно могло им дать. С одной стороны, их привлекают награды и «вольный паспорт», но с другой — они питают законное недоверие к людям типа графа Воронцова и подобных ему «генералов». Не случайно в рассказе подчеркивается, что Воронцов стремится стать «королем республики». При таком положении, по мнению солдат, едва ли что могло измениться к лучшему.

Не понимая смысла борьбы декабристов, питаясь отдельными слухами, народ тем не менее подчеркивал в своих рассказах горячую убежденность декабристов в правоте своего дела, их мужество и достоинство. Эта убежденность подчеркнута и в другом варианте рассказа этого слуха, записанного в Москве дворовым человеком Федором Федоровым в мае 1826 г. «Один адъютант, — передает Федоров, — разговаривая с государем, вынул из кармана заряженный пистолет и уставил против его величества, сказав оные слова: «Тебе смерть и мне смерть», — и выстрелил выше головы, немножко не утратил. И как его схватили, то сказал он, что никак сего не выведет уже: оный корень так глубоко посажен, что вывесть нельзя, а государь сказал: «Я стану обрезать, чтоб не разрослся»¹¹.

С большой любовью отзывались солдаты Вятского пехотного полка о своем командире, выдающемся деятеле декабристского движения П. И. Пестеле. В этом полку, как доносил агент 22 ноября 1826 г., уже после казни Пестеля, «все нижние чины и офицеры жалеют Пестеля, бывшего их командира, говоря, что им хорошо с ним было, да и еще чего-то лучшего ожидали, и стоит только вспомнить кому из военных Пестеля, то вдруг всякий со вздохом тяжким и слезами отвечает, что такого командира не было и не будет»¹². Музыкантский староста, будучи пьяным, перед многими евреями «ругал Майбороду, что сделал донос на Пестеля», говорил, что «Пестель перед смертью изрек слова сии: «что он, Пестель, что посеял, то и взойти должно и взойдет впоследствии непременно»¹³. У солдат Вятского пехотного полка, лично знавших и любивших своего командира, борьба Пестеля, ее цели не вызывали тех сомнений и колебаний, которые испытывал рядовой Иван Соколов. Они ждали от этой борьбы «еще чего-то лучшего» и глубоко верили, что это лучшее настанет, что посеянное Пестелем непременно взойдет.

Пребывание декабристов в тюрьме нашло свое отражение не только в народных рассказах и слухах, на основе которых часто возникали исторические предания, но и в ряде народных песен. Характерной их особенностью является использование уже сложившихся сюжетов, художественных образов и мотивов хорошо знакомых народу песен. Так, А. И. Лозанова, исследуя песню о гр. Чернышеве, обратила внимание на то, что один ее вариант оказался связанным с декабристом З. Г. Чернышевым¹⁴. Изу-

⁹ В. Ганцова-Берникова. Отголоски декабрьского восстания 1825 г. «Красный архив», 1926, т. 17, стр. 164.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 237.

¹¹ Б. Сыроечковский, Московские «слухи» 1825—1826 гг., «Каторга и ссылка», 1934, № 3 (112), стр. 85 (слух № 49).

¹² «Русский архив», 1905, № 6, стр. 309.

¹³ Там же, стр. 310.

¹⁴ А. Н. Лозанова, Социальные переосмысления песен о Чернышеве, «Советский фольклор», 1935, № 2—3, стр. 290—292.

чение архивных записей позволило обнаружить ряд других подобных же случаев приурочивания знакомой песни к декабристам.

Приурочивание старых песен к новым событиям и лицам — широко распространенный в народном творчестве прием осмысления действительности. Он тесно связан с определенным мировоззрением народа, с оценкой им тех или иных событий и лиц. Использование и заимствование старых художественных приемов и образов вовсе не является результатом идейной или художественной обедненности народа, оно всегда носит творческий характер, вытекает из идейного замысла народного произведения, определенного понимания вещей.

О характере народных песен, посвященных личной судьбе арестованных декабристов, дает представление песня о майоре и его жене. Связь этой песни с событиями 14 декабря 1825 г. и арестом декабристов подтверждается ее заключительными словами: молодой майор и его жена находятся в заключении по приказу государя и «по повелению Константина». Песня известна в трех вариантах, причем два из них не дают тех признаков, по которым героев ее можно отнести к декабристам. Один вариант был записан П. В. Шейном в Саратовской губернии, Хвалынском уезде, в с. Безобразовке 21 июля 1872 г. от крестьянина Ф. С. Вдовина¹⁵, другие варианты — в Самарской губернии, в селении Березовом Гае в апреле 1846 г. поверенным Ивановым, видимо, по просьбе Д. П. Ознобишина¹⁶ и в Пермской губернии, Верхотурском уезде¹⁷.

Как и большинство народных песен первого периода революционного движения, песня о майоре не является в полном смысле новым произведением. Изучение ее истоков помогает раскрыть не только идейный замысел песни, но и сущность народного отношения к декабристам и их семьям.

Песня о майоре широко использует художественные приемы и образы народной песни XVIII в. о дворцовых событиях, связанных с борьбой князей Долгоруких за власть и могущество при Петре II и Анне Ивановне. Некоторые образы участников этой борьбы были до известной степени идеализированы народом, что являлось формой протеста против бирюзовщины, против введенного в стране жесточайшего террора.

Песня, посвященная кн. Долгоруким, рассказывает о расправе царя с майором и его женой. Она построена в форме обращения красной девушки (иногда она носит имя Прасковьюшки) к генералам, а затем и «к самому царю белому» с просьбой простить ее родителей:

Ты прости, православный царь,
Моего батеньку и мою маменьку.
Прикажи, царь, расковать моего батеньку,
Прикажи разверзнуть мою маменьку.

Но царь остается неумолим:

Не прошу я, Прасковьюшка, твоего отца-матерю,
А сошлю я его под Сибирь-город, а ее на фабрику¹⁸.

В другом варианте с просьбой о прощении обращаются к православному царю с царицею не дочь, а сами родители — молодой майор с майоршей. Царь отвечает:

Не прошу я тебя, молодой майор,
А сошлю я тебя да во Грузию,
А майоршу-то твою на фабрику¹⁹.

¹⁵ Арх. АН СССР, ф. 101, оп. 1, № 683, л. 12—13.

¹⁶ Арх. Гос. лит. музея, Арх. П. К. Симона, кор. 4, инв. № 13.

¹⁷ Арх. АН СССР, ф. 104, оп. 1, № 683, л. 11.

¹⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 9, М., 1872, стр. 3 (в дальнейшем: Кир., вып. 9).

¹⁹ Там же, стр. 5.

В некоторых вариантах песни указывается место действия происходящих событий — «Шереметев двор» и «крыльцо государева дворца». К Шереметеву двору направлено все действие песни. К нему ведет слушателя печальный образ рано созревшей ягодки-смородинки, которым начинается песня, и зеленехонько позаломленной веточки, кинутой по дороге. Указание на Шереметев двор, образ молодого майора и его жены-майорши, их звание позволяют считать, что песня рассказывает о Н. Б. Долгорукой (1714—1771), дочери фельдмаршала Шереметева, и о всеильном любимце Петра II — князе И. А. Долгоруком (1708—1739), их опале и ссылке. Еще при жизни Петра II Н. Б. Шереметева, которой было только 15 лет, была помолвлена с майором гвардии И. А. Долгоруким. Когда начались гонения на Долгоруких, она не отказалась от брака с ним, поехала в мужем в ссылку, сначала в Пензенскую губернию, а затем в Сибирь, где в очень тяжелых условиях прожила одиннадцать лет²⁰. Введенный в некоторые варианты песни образ красной девушки, дочери осужденных царем родителей, не исторический в строгом смысле, а чисто художественный образ, подчеркивающий тяжесть семейного несчастья.

Создавая произведение о расправе царского самодержавия с участниками восстания декабристов, рассказывая о крушении их семейного очага и счастья, народ находит в песнях XVIII в. чрезвычайно интересную параллель своему времени.

Песня о декабристе-майоре, так же как и песня о кн. Долгоруком и его молодой жене, начинается с образа черной ягоды-смородины, символизирующего рано загубленную человеческую жизнь.

Декабрист представлен в образе безымянного молодого майора, сидящего «за вину» с «окованными ножками». В пермском варианте местом его заточения служит белый шатер во садике Шереметева:

Во том садике бел шатер стоит,
Как во шатрике огонек горит,
У огонечка-то сам майор сидит...²¹

В саратовском варианте местом действия песни является «воскрашенное крыльцо государева дворца»:

И на тем крыльце не огонь горит,
Не огонь горит, не смола кипит,
А молодой майор за вину стоит²².

Рядом с майором его жена-майорша. У нее тоже «ручки назад связанные». Перед ними стоит — в пермском варианте — «молодой улан», в саратовском —

Часовой солдат, строевой сержант,
Он не так стоит, с кленовой стрелой²³.

В отличие от песни о кн. Долгоруком, здесь майорова дочь плачет и обращается не к генералам и царю, а к простым солдатам:

Перед солдатиком стоит красна девушка,
Красна девушка, дочь майорова,
И стоит слезно плачет, как река льется:
«Государь ты, часовой солдат,
Часовой солдат, строевой сержант,
Ты на что сковал моего батюшку,
На что связал мою матушку?»²⁴

²⁰ В 1739 г. И. А. Долгорукий был увезен в Новгород, приговорен к смерти и казнен четвертованием. Народные песни об его казни см.: Кир., вып. 9, стр. 8—9.

²¹ Арх. АН СССР, ф. 104, оп. 1, л. 11.

²² Там же, л. 12.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 12 об.

Солдат отвечает майоровой дочери:

Государыня, красная девушка,
Не я сковал твоего батюшку,
Не я связал твою матушку.
Сковал, связал сам полковничек,
Сам полковничек по приказу государева,
А по повелению Константинова²⁵.

Такой же ответ «неразумной дочери майорской» дает донской казак в самарском варианте, записанном поверенным Ивановым в апреле 1846 г.:

Я не сам собой сковал батюшку,
Я не сам собой связал матушку,—
По указу сковал государева,
По приказу связал генеральскова²⁶!

Несколько иной характер носит обращение дочери майора и ответ молодого улана в пермском варианте. Девушка просит:

Уж ты, душечка — молодой улан,
Ты раскуй, раскуй ножки батюшки!
Развяжи ручки, ручки матушки!
Как ответил тут молодой улан:
— Ах ты, глупая красна девица,
Неразумная дочь боярская,
Не моя воля, воля царская²⁷.

В этих ответах часовых солдат выражена основная идея песни — бесилие народа перед «волей царской». Вместе с тем, в них раскрывается и сочувствие народа к арестованным декабристам и их семьям, готовность разделить их личное горе.

Песня совершенно не говорит о том, какие события предшествовали заточению молодого майора в кандалы, хотя ссылкой на государя и Константина песня поясняет, что майор и его жена — важные государственные преступники.

Заслуживает внимания тот факт, что в песне Константин уже не является тем идеальным образом «хорошего царя», каким он выступает в народных слухах того времени, не противопоставляется Николаю I. Константин — беспощадный деспот — выступает представителем той же грозной силы, каким является и сам царь.

Песня изображает наиболее типичного участника движения декабристов — майора, человека военного и молодого. Характерно также, что его круг ограничен лишь семьей — женой, делящей с ним горькую участь, и «боярской» дочерью, безнадежно оплакивающей судьбу родителей. Представители народа, как это было в действительности, не попали в этот круг. Находящиеся при них солдаты выполняют лишь караульную службу. В образе майорши песня, несомненно, запечатлела светлый образ жен декабристов, пожелавших разделить участь своих мужей в далекой Сибири. Видимо, эта песня возникла вслед за приговором, ссылкой декабристов и отъездом их жен в Сибирь. Среда, которая ее создала, была хорошо знакома с семьями декабристов, вместе с ними глубоко переживала их горе. Это, скорее всего, были крепостные люди самих декабристов. Песня пользовалась довольно широким распространением. Об этом свидетельствуют

²⁵ Арх. АН СССР, ф. 104, оп. 1, л. 13.

²⁶ Гос. лит. музей, Арх. П. К. Симонн, кор. 4, инв. № 13.

²⁷ Арх. АН СССР, ф. 104, оп. 1, л. 11 об.

ее записи в трех различных губерниях — Саратовской, Пермской и Самарской²⁸.

По художественной выразительности песня о заточенном декабристе — одна из лучших исторических песен XIX в. Свое сочувствие семейному горю, молодости майора народ выразил через традиционные образы печали — черную ягоду-смородину, рано созревшую «по зорям» и опавшую до времени — «в полдень», «позаломленные» ветви, безжалостно разбросанные по дороженьке, вплоть до места заточения молодого майора и его жены. Ласкательные слова: «ножки скованы», «ручки связаны», «майорчик», «огонек», «молодехонькая» и т. д. — подчеркивают это сочувствие и придают песне глубокий лиризм, теплоту и задушевность. Неутешная печаль девушки раскрыта сравнением: «слезно плачет, как река льется». Разговор с ней «солдата» или «улана» ярко раскрывает высокие моральные качества простых русских людей, скованные самодержавно-крепостническим гнетом.

Летом 1901 г. Ф. И. Покровский, член песенной экспедиции Русского географического общества, записал в с. Шутилово Лукояновского уезда Нижегородской губернии большой отрывок песни о матери, навещающей сына в тюрьме, под заглавием «У Троицы у Сергия было под горой». Ее исполнитель не был отмечен собирателем, но в своем примечании к песне Ф. И. Покровский говорит: «Конец певцом забыт. По его словам, речь идет «о посяжении» (покушении) декабристов на Николая I, и в тюрьму посажен один из декабристов»²⁹. Приходится выразить сожаление, что собиратель по каким-то причинам не смог сказать об этом подробнее. Певец, несомненно, хорошо помнил и само предание о декабристах и кого конкретно из них имела в виду песня. Все это могло бы значительно облегчить ее изучение.

События, о которых рассказывает эта песня, происходят в тюрьме. За каменной тюремной стеной томится в полном одиночестве «разудаленький добринький малоччик». Никто к нему не заедет, никто к нему не зайдет. Лишь как-то «зашла к нему ли, заехала» «гостинька дародная» — родная мать узника. Все содержание песни сводится к рассказу о встрече в тюремной обстановке матери с сыном. В ее обращении к сыну раскрывается вся сила материнской любви и нежности знатной «гостиньки». В отчаянии она спрашивает свое дитятко:

Дите-ли мо-мое дитятко,
Дитя, чадо мое милое!
А хто жи тибя, мое дитятко,

А хто же тибя, мое милое,
Будит выкупати?
Из неволюшки будет выручати?

И далее мать объясняет весь трагизм их положения:

Типерича, мое дитятко,
Златой казны нету,
Типерича ж, мое дитятко,

В Питер нам не езжати,
По Питерской по дороженьки,
Знать, нам не езжати.

После этого в песне должны были, видимо, следовать ответы сына, но она не имеет окончания.

Песня о заключенном в тюрьму участнике «посяжения» на Николая I (как ее объяснил сам исполнитель) представляет также типичный случай приурочения к декабристам известного, хотя и не очень широко распро-

²⁸ М. К. Азадовский рассказал нам, что незадолго перед революцией им была на Амуре записана народная песня о женах декабристов. К сожалению, эти записи погибли, и сейчас трудно установить, представляла ли эта запись вариант исследуемой здесь песни или же особую песню.

²⁹ Арх. Гос. лит. музея в Москве, кор. 4, инв. № 5, стр. 192.

страненного сюжета. Любопытной особенностью этого сюжета является его приурочивание к разным событиям и лицам. Во второй половине XIX в. великий драматург А. Н. Островский записал песню с точно таким же заглавием и сюжетом в Коломенском уезде Московской губернии. Но в ней рассказывалось не о безымянном герое и его знатной матери, а о Степане Разине:

А во той ли темной темнице
Сидел там удалой молодчик
По имени-прозванью Стенька Разин³⁰.

К нему также никто не зайдет, не заедет, зашла лишь «гостя дорогая — матушка родная». Она в глубокой скорби спрашивает свое «дитячадо милое», не пора ли ему «вон выходить?», и рассказывает, что семь раз она его выкупала, по тысяче давала, а теперь восьмой тысячи нет. Ответ Разина матери исполнен глубокой мудрости и печали:

При пире, при беседашке
Много друзей-братьев,
А как при горе, при кручине
Все прочь отступились³¹.

Связывание песни со Степаном Разиным, как и с декабристом, представляет уникальный случай. Чаше всего герой в песне не имеет имени, но действие ее всегда происходит у Троицы-Сергея. Иногда упоминается Троицкая слобода, Марьинская роща — места, связанные с Подмошью. В варианте, хранящемся в одном рукописном сборнике первой половины XIX в. в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, безымянный герой, «удаленький добрый молодчик», на вопрос матери, долго ли ему сидеть в темнице, безнадежно отвечает:

Сударыня моя матушка, знать-то мне не выдти,
Весь род-племя от молодца отступились,
У нас с тобой, родна матушка, казны не случилось...
Прощай-прости, Марьинская роща,
Знать-то мне в тебе, рощица, будет не гуляти,
Па масковскай па широкой па дароженьке,
Знать-то не ходити.
Пивца с вином в тебе, рощица, не пивати³².

Для всех вариантов песни, связанных ли с безымянным героем или с образом Разина, характерно сочувственное отношение к действующим лицам и их судьбе. Это же сочувствие ярко выражено и в варианте, приуроченном к декабристу и его матери.

Связь песни с судьбой декабриста подкрепляется не только указанием исполнителя песни, но и ее содержанием. Так, в отличие от других вариантов, в ней подчеркнута знатное происхождение матери героя, ее дородство. Она горюет о том, что им в Питер больше не «езжати». Песня о декабристе и его матери, несомненно, возникла в то время, когда декабристы еще находились в темных казематах крепостей, а над ними производилось высочайшее следствие.

Видимо, в это же время к декабристам, сидящим в Петропавловской крепости, была приурочена и песня о Чернышеве. Она была записана на Урале В. И. Далем. Песня о Чернышеве, как показывает исследование А. Н. Лозановой, прошла большой и сложный путь, пережила в народном

³⁰ Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Песни былевые, «Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3, М., 1878, стр. 66.

³¹ Там же, стр. 67.

³² Рукоп. отдел Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Q, XIV, 158, л. 27 об.

сознании ряд социальных переосмыслений³³. Песня родилась во время Семилетней войны (1756—1763) и рассказывала о пребывании русского генерал-фельдмаршала гр. З. Г. Чернышева в Кюстринской крепости в плену у прусского короля. В ней Чернышев изображен как герой-патриот, с возмущением отвергающий предложение прусского короля об измене. В дальнейшем развитие песни шло по двум линиям: с одной стороны, она превращалась в безымянную тюремную, с другой — в протестантскую политическую песню. Один из ее вариантов, как устанавливает А. Н. Лозанова, связан с пугачевским движением и говорит о Чике — Зарубине, носившем фамилию графа Чернышева. Во времена восстания декабристов песня пережила еще одно приурочивание: она была связана с именем декабриста З. Г. Чернышева. Член Северного общества (числился в Южном) граф Захар Григорьевич Чернышев (1796—1862), ротмистр кавалергардского полка, не играл заметной роли в движении декабристов. Во время восстания 14 декабря он находился в отпуске вне Петербурга. Вместе с остальными декабристами содержался в крепости и был осужден по VII разряду к четырем годам каторжных работ. Его родные добились «монаршего милосердия»: срок каторги был сокращен сначала до двух лет, а потом до одного года. После истечения срока каторги он был поселен в Якутске, а оттуда в апреле 1829 г. отправлен рядовым на Кавказ в действующую армию. Здесь он заслужил офицерский чин и вышел в отставку. В 1856 г. ему был возвращен графский титул.

В глазах народа З. Г. Чернышев являлся типичным представителем декабризма. При этом необходимо учесть, что Чернышев являлся единственным наследником огромного состояния. Имения, которые должны были ему достаться, находились в трех черноземных губерниях, в них было много десятков тысяч десятин земли и около 9000 крепостных. Можно думать, что эта армия крепостных крестьян была особенно заинтересована судьбой их будущего владельца и что именно в этой среде была переработана песня о Чернышеве и героем ее сделан декабрист.

В отличие от всех других песен о Чернышеве, действие в ней перенесено в совершенно новую обстановку — в Петербург, в Петропавловскую крепость:

Как во славном городе во Питере,
Во крепости Петропавловской,
У ворот было Канверских,
Тут стояла нова темница,
Без дверей и без окошечек,
Без щелочек, без протесочек...³⁴

Мимо крепости проезжает «православный царь». Заключение обращается к нему с просьбой об освобождении:

Эх, батюшка, православный царь!
Прикажи меня поить-кормить,
Не прикажешь ты поить-кормить,
Прикажи на волю выпустить³⁵.

Связь песни с декабристом Чернышевым (в песне он назван «добрым молодец донской казак») выразилась не только в точном указании на место его заключения, Петропавловскую крепость, но и в самом эпизоде обращения к царю с просьбой об освобождении. К царю обращались в основном родные, но в песне просьба вложена в уста самого героя.

Подтверждением того, что песня и здесь развивает новую, «опальную черту» в популярном имени и связывает ее с декабристом Чернышевым,

³³ А. Н. Лозанова, Социальные переосмысления песен о Чернышеве, стр. 271—292.

³⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8, М., 1870, стр. 103.

³⁵ Там же.

служит сибирский очерк В. Г. Короленко «Последний луч». Место действия очерка — Якутия, угрюмый Нюйский станок на берегу Лены. Здесь среди местного населения долго хранилась память о ссыльных декабристах, в том числе и о Чернышеве. О нем расспрашивал автора очерка старик, местный житель: «Вы, вот, про Чернышева Захара Григорьевича тоже, значит, читали. Генерал был!» — «Да, был генерал при Екатерине. Только он не был сослан». — «Ну, не он, а видно того же роду... При императоре Николае... При восшествии, что ли...»³⁶ В. Г. Короленко признается, что в то время он не знал о декабристе З. Г. Чернышеве и не мог ничего определенного ответить старику.

Не только судьбе Чернышева, но и судьбе ряда других декабристов глубоко сочувствовали принадлежавшие им крепостные крестьяне. Об этом говорит чрезвычайно интересное свидетельство Матрены Сухиной, бывшей крепостной И. А. Анненкова из дер. Якубовки Княгининского уезда Нижегородской губернии. В сентябре 1829 г. она была арестована на пути в Иркутск. При обыске у нее были найдены письма к «государственным преступникам» — декабристам. В своем письме к Николаю I, а затем и на допросах она рассказала, что в 1825 г., когда И. А. Анненков содержался в Петропавловской крепости, она пришла в Петербург и, пользуясь своей хромотой, без всяких подозрений ходила к нему на свидания в крепость. «Но я ходила к нему, — разъясняет Матрена Сухина, — не для чего худого, — а по его великой милости, и что касается до его, то он был нам не господин, а отец всем нам. Покуда он сидел шесть месяцев, об нем крестьяне горько плакали и служили каждую неделю молебен и просили бога, чтоб его бог возвратил»³⁷.

Среди таких крепостных крестьян жило предание о декабристах не только как о добрых господах, но и как о защитниках народа, страдальцах за народ. В литературе давно известен случай, когда один крестьянин Московской губернии говорил невесте того же декабриста Анненкова в 1827 г.: «Ведь я знаю, что они хотели: господа-то хотели свободы нашей, свободы крестьян»³⁸. В этом отношении показательно и местное предание о казни декабриста М. П. Бестужева-Рюмина, жившее среди крепостных Бестужевых-Рюминых, в дер. Ямпово Останкинской волости Нижегородской губернии. Его сообщил бывший крестьянин этой деревни Г. В. Голубев в августе 1925 г. «В раннем детстве, — пишет он, — около 1870 г., я слышал от своей матери, что якобы брат бывшего нашего помещика Бестужева-Рюмина был казнен в числе других за то, что требовал у царя Николая Павловича освобождения крестьян»³⁹.

Необходимо особо отметить, что это предание, как и свидетельство Матрены Сухиной, относится к Нижегородской губернии. Здесь была записана и песня о посаженном в тюрьму добром молодчике и его знатной матери, связанная в сознании исполнителя с декабристом, с «посяжением» на Николая I. Видимо, в Нижегородской губернии, где находился ряд имений, принадлежавших декабристам, среди их бывших крестьян существовало и из рода в род потаенно передавалось немало народных произведений о декабристах.

В самом предании о казни, записанном даже через столетие, сохранились многие, очень близкие к действительности детали. Они могли стать известными только таким людям, как дворовая девушка Матрена Сухина, которые побывали в Петербурге, слышали рассказы очевидцев или, может быть, сами стояли в ночь на 13 июля 1826 г. в толпе зрителей у Петропавловской крепости, где на кронверке совершалась казнь. Неко-

³⁶ В. Г. Короленко, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1914, стр. 268.

³⁷ ЦГИАМ, Арх. III Отделения, 1 экзп., 1829, ч. 263, л. 43.

³⁸ Цит. по ст. М. Балабанова «Народные массы и движение декабристов», «Красная новь», кн. 3, 1926, стр. 154.

³⁹ Отдел письменных источников Гос. исторического музея в Москве, ф. Собр. докум. Музея Революции, № 304, л. 75.

торые дворовые люди декабристов были в крепости и накануне казни при последнем свидании декабристов с родными. Так, когда Рылеев прощался с женой и дочерью, привозивший их в крепость «кучер Петр... громко рыдал и приговаривал, как это водится в деревнях по умершим»⁴⁰.

Существует очень большое количество рассказов о подробностях казни, о последних словах сорвавшихся с петли декабристов. В предании, сообщенном Г. В. Голубевым, страшные подробности казни декабристов обобщены и связаны с образом Бестужева-Рюмина. Когда казнили Бестужева-Рюмина, рассказывается в предании, то палач, желая спасти его от смерти, «петлю для повешения сделал из гнилой веревки, в надежде — петля оборвется, а вешать вторично якобы в таких случаях не полагалось. И вот, когда Бестужев-Рюмин повис на веревке, петля лопнула, он упал на помост. Палач поднял его и ждет приказания развязать, думая: «спас человека от смерти». По преданию, казнь производилась не в присутствии генерал-губернатора, а в присутствии самого царя Николая I. Царь, видя, что сорвался декабрист, «приказал палачу снова вешать. Тогда Бестужев-Рюмин обратился к царю: «Ваше величество, помилуйте, одного вола две шкуры не дерут». Царь топнул ногой и грозно вскричал: «Десять сдеру!» И так Бестужева-Рюмина вторично повесили, вопреки якобы обычаю не вешать вторично»⁴¹.

В предании обобщены не только все подробности казни, но и образ самого царя. Он выступает — в соответствии с исторической правдой — подлинным палачом декабристов, нарушает святость вековых обычаев, касающихся наказания осужденных. Напротив, простые люди в лице палача проявляют подлинное благородство.

Ошибочно было бы думать, что осуждение царя появилось в предании позднее. В таком случае следует признать все предание в целом поздним созданием, так как в нем каждый образ неотделим от другого и помогает раскрыть идею предания. В осуждении царя сказалась одна из тех новых черт, которую внесло восстание декабристов в сознание пока еще немногих представителей народа. Это одно из тех зерен, брошенных декабристами в душу народа, плоды которых созрели в будущем.

Сочувствие к осужденным декабристам, горячее стремление помочь им, свой суд над их палачами народ высказал не только в своих произведениях, но и в непосредственном отношении к декабристам, в том внимании и заботливости, которые повсюду встречали важных «государственных преступников». Воспоминания и записки декабристов содержат немало страниц, полных горячей благодарности простым русским людям, которые своим вниманием и заботой скрасили им жизнь в казематах и сибирской ссылке. Крепостные крестьяне укрывали от преследований «государственных преступников» Кюхельбекера⁴² и Сухонова⁴³. На всем протяжении пути декабристов в Сибирь народ высказывал им сострадание и участие. «В Тихвине, недалеко от Петербурга, — вспоминал декабрист А. М. Муравьев, — несмотря на побои фельдъегеря, народ с непокрытыми головами желал нам счастливого пути. То же произошло и в Ярославле...»⁴⁴. Декабрист Н. В. Басаргин рассказывает об одной из таких встреч: «Я до сих пор храню, как драгоценность, медную денежку, которую я взял у нищей старухи. Она вошла к нам в избу и, показывая нам несколько медных монет, сказала: «Вот все, что у меня есть: возьмите, батюшки, отцы наши родные. Вам они нужнее, чем мне». Мы прослезились, и я выбрал у нее одну самую старую монету, положил себе в карман и поблагодарил ее от искреннего сердца»⁴⁵.

⁴⁰ «Русский Вестник», 1869, кн. 3, стр. 243.

⁴¹ Отдел письменных источников Гос. исторического музея, ф. Собр. докум. Музея Революции, № 304, л. 75 об.

⁴² См. «Русская старина», т. XIII, 1875, стр. 348.

⁴³ См. «Русский архив», 1882, № 1, стр. 529.

⁴⁴ Из записок декабриста А. М. Муравьева. Ред. С. Я. Штрайха, П., 1922.

⁴⁵ Н. В. Басаргин. Записки, Изд. «Огни», 1917, стр. 73.

В Сибири между декабристами и местным населением существовала подлинная дружба. Воспоминания сибиряков о декабристах сохранились до самого последнего времени⁴⁶. Эту любовь нельзя объяснить простой случайностью или одним лишь чувством сострадания простого народа к «несчастливым» знатым каторжникам и ссыльным. Советские исследователи, в частности М. К. Азадовский, показали, что «сибирская ссылка органически входит в историю декабризма»⁴⁷. В Сибирь декабристы пришли далеко не покоренными. Тюрьма и ссылка дали новое направление их делу, глубокому патристическому чувству, тем идеям, которые вели их на борьбу против царского правительства. Так оценивали свою огромную культурно-просветительную работу в Сибири и сами декабристы. Декабрист М. С. Луин писал: «Настоящее житейское поприще началось для нас с вступления нашего в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили». Эту же задачу отмечает в своих воспоминаниях и декабрист А. Е. Розен: «Провидение, — указывает он, — быть может, назначило многих из моих соизгнанников... быть основателями или устроителями лучшей будущности Сибири, которая, кроме золота и холодного металла и камня, кроме богатства вещественного, представит со временем драгоценнейшие сокровища для благоустроенной гражданственности»⁴⁸. Большая общественная деятельность ссыльных⁴⁹ помогла разрушить ложные представления о декабристах и их деле, упорно внушаемые народу царским правительством. Эта деятельность прежде всего и явилась источником дружбы и глубокого уважения населения Сибири к декабристам.

О деятельности декабристов в Сибири возникали многочисленные предания и рассказы. Так, старик в рассказе В. Г. Короленко «Последний луч» связывал их культурно-просветительскую работу с образом Чернышева. «Говорят, — рассказывал о нем старик, — книгочей был. Умирал, все наказывал детям: главное дело за грамоту держитесь крепче...»⁵⁰. Интересное предание о декабристе и тюремном смотрителе было записано в начале XX в. Е. И. Шведером в г. Чите от 50-летнего Евстафия Лбова. К сожалению, собиратель записал предание не со слов, а по памяти. Однако, даже допуская некоторую обработку предания, в нем все же сохраняется народная основа.

«После того, — говорится в предании, — как при царе Николае Павловиче вышла в Петербурге заворошка, поднялся промж войска бунт, начали много народу в Сибирь ссылатъ. И все не из простого звания, а из видных да знаменитых фамилий. А приказ от царя был, чтобы с ними, ссылаемыми, с большой строгостью обходиться и чтобы никаких поблажек никому не делать. И даже шепотком говорили, что есть такое желание от царя, чтобы сосланные, чем скорее помирали, тем лучше». Смотрители тюрем старались всячески выслужиться и выполнить волю царя. Особенно строг был один из смотрителей. Пробовали его усостить и умиловить, но он всегда заявлял: «Я, мол, царские приказы выполняю», и делал еще больше утеснений. Но вот у смотрителя случилось несчастье — заболел его мальчик, которого он горяча любил. Испробовали все средства — не помогло. Доктора в тюрьме не оказалось в ту пору. Отец мечется, ночей не спит, а парнишка вот-вот богу душу отдаст. Тут кто-то и подсказал смотрителю, что есть среди сосланных один, который знает лекарское дело. Смотритель за ним: «Лечи» — приказывает, но тот вежливо отвечает: «Простите, не могу: я арестант, а не доктор». «Да ведь

⁴⁶ См. Ал. Гуревич, Устные рассказы и легенды о декабристах в Сибири, Иркутск, 1937.

⁴⁷ Воспоминания Бестужевых. Редакция, статья и комментарии М. К. Азадовского, М.-Л., 1951, стр. 674.

⁴⁸ А. Е. Розен, Записки декабриста, СПб., 1907, стр. 213.

⁴⁹ См. Лидия Чуковская, Декабристы — исследователи Сибири, М., 1951.

⁵⁰ В. Г. Короленко, Полн. собр. соч., т. I, стр. 269.

ты в лекарском деле сведущ?» «Сведущ, а только теперь я не лекарь, а арестант». Смотритель стал лютовать и грозить ему, но ничего не помогло. А у самого слеза по щеке катится. Тронула эта слеза сосланного доктора, взялся лечить мальчика и скоро вылечил его. Смотритель не знает, как благодарить сосланного. А тот этак с достоинством говорит: «Самая для меня лучшая благодарность — если вы будете помнить, что мы не только арестанты, но и люди». Сказал, как ножом полоснул. И что же думаете? — закончил свое предание рассказчик. — С тех пор — как переродился смотритель. Значит, дошло до сердца его людское благородство»⁵¹.

Предание, несомненно, связано с личностью декабриста Ф. Б. Вольфа (1795 ? — 1854), который был образованным и искусным врачом. Сначала он лечил только своих товарищей в казематах Читы и Петровского завода, потом начал лечить и тюремщиков, постепенно добился разрешения лечить всех, кто к нему обращался: служащих и рабочих завода, жителей Читы и Петровского, бурят из дальних кочевий. В последние годы жизни он без всякого вознаграждения исполнял обязанности врача при тобольской тюрьме. Сообщая в 1854 г. о смерти и похоронах доктора Вольфа, декабрист Штейнгель писал Пушкину: «Длинный corteж тянулся до самой могилы. Между простыми слышны были рассказы о его бескорыстной помощи страждущим: лучшая панегирика!»⁵².

Но не только в Сибири, где народ имел возможность лучше и ближе познакомиться с декабристами и поэтому вернее оценить их, жила в народе память о декабристах. То же было и во внутренней России, в особенности среди крепостной интеллигенции. В этих слоях имя участника восстания 14 декабря 1825 г. делается столь значительным, что возникает совершенно новый тип самозванца — «самозванный декабрист». Так, 15 февраля 1828 г. к заседателю земского суда в Яндинской слободе Нижнеудинского округа Иркутской губернии явился незнакомец, лет 27—28, и объявил в присутствии местных властей: «Я принадлежу к числу государственных преступников, участвовавших в возмущении 14 декабря. Я член тайного Северного общества. Я бежал из Петербурга после подавления бунта и, будучи устрешен неудачей собратий и товарищей, я скрывался под чужим именем и фамилией. Настоящее же мое звание и имя лейб-гвардии Конно-пионерского эскадрона корнет Аполлон Пущин. Имя я переменил при побеге в городе Шадрине и назвал себя бродягой, почему и осужден как бродяжествующий на поселение в Сибирь»⁵³. То же самое он показал и письменно. Однако расследование установило, что неизвестный был вовсе не Аполлон Пущин, а дворовый человек Андриан Виктороз. Он принадлежал гвардии полковнику Корниле Зассу из города Опочки Псковской губернии. За побег от своего господина в сентябре 1826 г., «по поимке Пермской губернии в гор. Шадрине в генваре месяце 1827 года, был сужден и по решению дела сослан без наказания в Сибирь на поселение»⁵⁴. Здесь он был причислен в Яндинскую волость и занимался крестьянской работой. Извет свой он изобрел ложно по той причине, что заседатель Нижнеудинского земского суда по жалобе хозяина питейного дома (Виктороз разбил нечаянно «порожный штоф») хотел подвергнуть его наказанию лозами. Лейб-гвардии Конно-пионерского эскадрона корнета Аполлона Пущина знает потому, что последний находился в команде его господина, начальника этого эскадрона. «А Пущин тот, как известно ему, находился в бегах. Впрочем, — заключает следователь по этому делу, — ни о государственных преступниках, ни о каких тайных обще-

⁵¹ Гос. лит. музей, Собр. Е. И. Шведера.

⁵² О врачебной деятельности Ф. Б. Вольфа в Сибири см. Е. Д. Петряев, Исследования и литераторы старого Забайкалья, Чита, 1954, стр. 59—116.

⁵³ А. Пфаффус, Самозванный декабрист, «Вестник Всемирной истории», 1901, кн. 1, апрель, Странички прошлого, стр. 219.

⁵⁴ Там же, стр. 220.

ствах не имеет он ни малейшего понятия»⁵⁵. С подобным заключением следователя едва ли можно согласиться. Самый характер извета свидетельствует о том, что дело как раз обстояло наоборот: он многое знал и о тайных обществах, и о государственных преступниках и, видимо, имел ко всему этому обостренный интерес.

Уходя всеми истоками в крепостную действительность, вырастая на почве крайнего принижения личности, самозванство — действие от имени другого лица — всегда служило показателем симпатии народа, его доверия и потому могло выполнять и выполняло своеобразную агитационную роль. В этом весьма показательны призывы, написанные от имени «второго Рылеева». В июле 1830 г. командир 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Савонин сообщил московскому генерал-губернатору кн. Голицыну, что адъютант его, поручик Максимович 3-й и поручик Генерального штаба Анненков, возвращаясь из Троице-Сергиевской лавры, остановились на «заездном дворе» в селе Рахманове и увидели написанные на дверях комнаты следующие слова: «Скоро настанет время, когда дворяне — сии гнусные сластолюбцы, жаждущие и сосущие кровь своих несчастных поданных, будут истреблены самым жестоким образом и погибнут смертью тиранов. 1829—10. Один из повешенных и ссыльных в Сибири, второй Рылеев». Другой рукой приписано: «Ах, если бы это совершилось. Дай Господи. Я первый возьму нож». Здесь же приписка, сделанная третьим почерком: «И мы здесь были и видели 1829 года июня 4 дня»⁵⁶.

Расследование не могло установить авторов «дерзких надписей». Однако содержание надписей, их антидворянская направленность позволяют думать, что авторы принадлежали к грамотным слоям крестьянства.

Народные произведения, посвященные расправе царского правительства с дворянскими революционерами, еще раз свидетельствуют о том, что важнейшие политические события 1825 г. и судьба деятелей тайных обществ не прошли мимо народных масс. Они нашли разнообразное и довольно богатое отражение в народном творчестве. При самой различной степени понимания деятельности декабристов народ все же сумел подметить в ней главное — глубокую жизненную основу, неистребимость «корня», заложенного декабристами, большую перспективу их дела в будущем. То новое, что внесли декабристы в сознание народа, не пропало даром: оно способствовало его пробуждению, его революционному воспитанию.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См. Л. А. Мандрыкина, После 14 декабря 1825 г., Сб. «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», М.—Л., 1951, стр. 226.